

[«РУССКАЯ БЕСЕДА» И СЛАВЯНОФИЛЬСТВО]

Холодно, отчасти насмешливо, отчасти даже как-то неприязненно смотрела до сих пор на «Русскую беседу»¹ почти вся наша публика. Почти все наши журналы, когда говорили о ней, говорили с иронией или с укоризнами. Едва ли не один только «Современник» доказывал, что между славянофилами и огромным большинством образованных людей, отвергающим славянофильские идеи о русском воззрении, существуют, выше этого раздорного пункта, точки сходства во мнениях, согласия в желаниях². Многим из уважаемых нами людей такой взгляд на славянофилов показался совершенно ошибочным, чуть ли не преступным перед Европою и просвещением. Большинство продолжало смотреть на славянофилов не как на людей, которые, ошибаясь во многом и важном, о важнейших и существеннейших вопросах жизни (потому что есть в жизни нечто важнее отвлеченных понятий) думают правдиво и благородно, — нет, как на людей, которые, ради осуществления своих туманных и ошибочных теорий о народности в науке, готовы пожертвовать и наукою, и благами цивилизованной жизни, и всем на свете.

Наконец-то, после напрасного годовичного ожидания, дождалась мы от публики более благоприятных отзывов о мнениях, органом которых служит «Русская беседа». Не знаем, решатся ли отказаться сразу от своих предубеждений журналы, до сих пор не видевшие ничего хорошего в «Русской беседе», — решатся ли они признаться, что славянофилы одушевляются не одною мечтою о небывалом и невозможном специально-русском построении науки на фантастических основаниях, но также, — и еще больше, — стремлениями, свойственными каждому образованному и благородному человеку, каковы бы ни были его теоретические заблуждения. Быть может, журналы, глумившиеся над славянофилами, почтут нужным умолчать о впечат-

лении, которое произвела на большинство мыслящих людей первая книга «Русской беседы» за нынешний год. Но у нас нет ни причины, ни желанья не сказать с радостью, что впечатление это вообще было очень благоприятно для «Русской беседы» и славянофилов. Публика, наконец, получила в этой книге доказательства, что для славянофильского журнала существуют интересы, более дорогие и живые, нежели мечты, которые не могут встретить в большинстве ни сочувствия, потому что отвлеченны и неприменимы к делу, ни одобрения, потому что не велики ни к чему хорошему, если бы были осуществимы.

Это благоприятное впечатление произведено преимущественно двумя превосходными статьями г. Самарина, помещенными в критике. Мы не будем подробно говорить о том, почему и как действуют они на каждого благомыслящего человека самым выгодным образом — мы надеемся, что те из наших читателей, которые еще не знают этих статей, познакомятся с ними из самой «Русской беседы». Одобряемые теперь благоприятным расположением публики к «Русской беседе», мы хотим сказать, с какой точки зрения образ мыслей, называемый славянофильством, заслуживает, если не полного одобрения, то оправдания и даже сочувствия; не усомнимся указать даже те частные вопросы, о которых славянофилы думают, как нам кажется, справедливее, нежели многие из так называемых западников. Читатели видят, что не всех западников мы считаем одинаково безошибочными во мнениях; точно так же мы говорим не о всех без исключения людях, называющих себя славянофилами, что у них есть нечто важнейшее и лучшее, нежели идеи о русском воззрении. В самом деле, обе партии одинаково считают в своих рядах людей, не имеющих почти ничего общего между собою, кроме того или иного взгляда на отношение народности к общей человеческой науке. А этот вопрос, служащий основанием для разделения партий, далеко не имеет, по нашему мнению, той всепоглощающей важности, какую ему приписывают; и между людьми, согласными в его решении, могут быть разноречия по другим, гораздо существеннейшим вопросам. Как из западников, так и славянофилов мы признаем достойными особенного сочувствия только тех, которые справедливо думают об этих важнейших вопросах. Если бы, например, между западниками нашлись люди, восхищающиеся всем, что ныне делается во Франции (а такие есть между западниками), мы не назвали бы их мнения достойными особенного одобрения, как бы громко

ни кричали они о своем сочувствии к западной цивилизации, — потому что и во Франции, как повсюду, гораздо более дурного, нежели хорошего; с другой стороны, как бы ни заблуждались в своих понятиях о допетровской Руси люди, в настоящем одобряющие только то, что действительно достойно одобрения, и желающие всех тех улучшений, каких должен желать образованный человек, — мы все-таки почли бы мнения таких людей в сущности добрыми, потому что действительные стремления относительно настоящих дел важнее всяких отвлеченных мечтаний о достоинствах или недостатках отдаленного прошедшего. Только славянофилы последнего рода придают жизнь и смысл своей партии, потому только о них мы и будем говорить, оставляя без внимания людей, которые, по недостатку умственного развития, по отсталости или по увлечению бесплодными мечтами, были бы одинаково ничтожны или вредны, что бы ни говорили об отношениях народности к общечеловечности.

Лучшие люди славянофильской партии — люди с горячею преданностью своим убеждениям; уж этим одним они полезны в нашем обществе, самый общий недостаток в котором не какие-нибудь ошибочные понятия, а отсутствие всяких понятий, не какие-нибудь ложные увлечения, а слабость всяких умственных и нравственных влечений. Прежде, нежели желать того, чтобы все твердо держались образа мыслей, который кажется кому-нибудь из нас справедливейшим, надобно признавать настоятельную потребность русского общества пробуждение в нем мысли и способности к принятию каких-либо умственных убеждений, каких-либо нравственных влечений, каких-либо общественных интересов. А исполнению этого дела славянофилы стараются содействовать всеми силами и, как люди горячих убеждений, очень полезным образом действуют на пробуждение умов, доступных их влиянию.

Этого права их считаться людьми полезными для общества никто, кажется, не отрицает; но многие думают, что польза, приносимая ими делу пробуждения мысли в русском обществе, далеко превышает вредом, какой они приносят успехам общества, наполняя мысль человека, ими пробуждающегося к жизни, совершенно ложным содержанием, стремясь дать ей направление, совершенно превратное.

Не оправдывая всего того, что говорят даже лучшие представители славянофильства, человек, любящий родину и принимающий выводы науки на Западе, должен,

однако же, сказать, что столь общее отрицание всякой справедливости в славянофильстве неосновательно, должен признать, что из элементов, входящих в систему этого образа мыслей, многие положительно одинаковы с идеями, до которых достигла наука или к которым привел лучших людей исторический опыт в Западной Европе.

Начнем хотя с тех враждебных чувств к нынешней Европе, в которых обыкновенно обвиняются славянофилы. Конечно, грубо понимаемое, такое обвинение будет совершенною клеветою на них, — всему действительно великому и хорошему в Западной Европе они сочувствуют не менее самых заклятых западников и, конечно, никому не уступят ни в уважении к таким людям, как Роберт Пиль или Диккенс, Штейн или Гегель, — ни в искренности желания как можно ближе и полнее познакомить русских с благотворными плодами западного просвещения. (Просим не забывать, что мы говорим о лучших представителях славянофильства, а не о тех людях между ними, прегрешения которых против западной цивилизации легко прощаются, как грехи неведения.) Беспристрастный человек должен назвать предубеждением мнение, будто они враждебны европейскому просвещению. Но то правда, и в том признают они сами, что они не считают слишком завидным нынешнее положение народной жизни в Западной Европе. За эту строгость нельзя их винить. Недаром путешественники, отправляющиеся в Западную Европу с ожиданием найти там земной рай, возвращаются разочарованными, если ищут, например, в Париже чего-нибудь, кроме палерояльских удовольствий и модных портных. Масса народа и в Западной Европе еще погрязает в невежестве и нищете; потому, она еще не принимает разумного и постоянного участия ни в успехах, делаемых жизнью достаточного класса людей, ни в умственных его интересах. Не опираясь на неизменное сочувствие народной массы, зажиточный и развитый класс населения, поставленный между страхом вулканических сил ее и происками интриганов, пользующихся рутинною и невежеством, предается своекорыстным стремлениям, по невозможности осуществить свой идеал, или бросается в излишества всякого рода, чтобы заглушить свою тоску. Многие из лучших людей в Европе до того опечалены этим злом, что отказываются от всяких надежд на будущее; другие доказывают, что с течением времени зло не уменьшается, а возрастает. Первые, конечно, не правы, но вторые говорят правду. Действительно, язва пролетариата все расширяется, даже физическая органи-

зация племен слабеет, так что, вообще говоря, даже средний рост уменьшается. Всего прискорбнее здесь то, что главным источником нищеты и бедствий в Западной Европе надобно считать не недостаточность средств к быстрому и коренному улучшению народного быта, а дурное и несправедливое распределение этих средств или недоброжелательство к улучшению народного быта со стороны людей, держащих в руках эти средства и, по своекорыстному расчету, не применяющих их к делу. Мы представим только один случай для примера. Положительный расчет показывает, что если бы во Франции поля возделывались при помощи средств, предлагаемых естественными науками и механикою, и по системе, указываемой политической экономией (общинное возделывание земли при помощи улучшенных машин), жатва более нежели удвоилась бы. А между тем во Франции недостает хлеба. Если бы земледelec в Франции пользовался сам плодами своих трудов, он жил бы безбедно, — а он терпит нужду. Еще безотраднее положение фабричных и заводских работников, которым еще легче было бы иметь изобилие во всем, нужном для жизни. Но весь труд во французском обществе производится под гнетом своекорыстных эксплуататоров, которые могут быть прекрасными людьми, но которые, как всякий человек, заботятся о собственных, а не о чужих выгодах, думают об увеличении своих доходов, а не об улучшении участи зависимого от них рабочего населения. <Все делается по системе, заклеянной именем L'exploitation de l'homme par l'homme³.> Точно таков же порядок экономических отношений и во всей остальной Западной Европе. Это факт, обнаруженный лучшими людьми самой Западной Европы и принуждающий их негодовать на действительность, их окружающую.

Таково же и положение умственной жизни на Западе. Правда, наука сделала великие успехи, но еще слишком мало имеет влияния на жизнь. Большинство не только народа, но даже образованных классов, погружено еще в дикие понятия, свойственные скорее временам кулачного права, нежели веку цивилизации. Когда лучшие люди в Западной Европе сравнивают образ мыслей огромного большинства своих сограждан с гуманными идеями современной науки, они приходят в отчаяние, видя, что несомненнейшие умственные и нравственные истины ее, достоверные, как аксиомы геометрии, ясные, кажется, как свет дневной, остаются еще неведомы или непонятны никому, кроме горсти немногих избранных, еще бессильных

над нравами и стремлениями общества, по своей малочисленности. Приведем опять хотя один пример. При нынешнем развитии государственного порядка, когда масса побеждающего народа уже не грабит и не обращает в личное рабство своим сочленам всю массу побежденного народа (как то было при завоевании германцами провинций Римской империи), разумна и полезна только та война, которая ведется народом для защиты своих границ. Всякая война, имеющая целью завоевание или перевес над другими нациями, не только безнравственна и бесчеловечна, но также положительно невыгодна и вредна для народа, какими бы громкими успехами ни сопровождалась, к каким выгодным, по-видимому, результатам ни приводила. Это достоверно, как $2 \times 2 = 4$. А между тем, и во Франции, и в Англии люди, говорившие это во время последней войны с Россиею, были предметом общего посмеяния или негодования.

Злоупотребления, недостатки и бедствия в материальной и умственной жизни народов Западной Европы — это предмет неистощимый. Из тысячи обвинительных пунктов против западно-европейской действительности мы коснулись, и то слегка, без всяких подробностей, лишь двух-трех. Страшную картину современного быта своей родины представляет каждый из западноевропейских писателей, если только он добросовестен и стоит по мысли в уровень с гуманными идеями века. Это прискорбное разноречие действительности с потребностями и идеалами современной мысли с году на год становится тяжелее в Западной Европе.

Что удивительного, что преступного, если это самообличение Европы лучшими из ее детей находит отголосок и у нас? Всякая ложь вредна. Зачем нам оставаться в фантастической уверенности, будто бы Западная Европа — земной рай, когда на самом деле положение народов ее вовсе не таково? Не одни славянофилы стараются вывести нас из этого легкомысленного обольщения, — многие, истинно серьезные мыслители, которых мы имели или имеем, выставляли нам недостатки западноевропейской действительности в самом резком виде. Пусть славянофилы, когда говорят об этом предмете, во многом ошибаются, принимая иное хорошее за дурное или наоборот, — эти частные ошибки не мешают справедливости общей идеи, повторяемой ими, но принадлежащей вовсе не им, а всем лучшим людям Запада, от которых они и узнали

о ней, — не мешают справедливости этой общей идеи: Западная Европа вовсе не рай.

А когда мы подумаем о том, до какой степени у многих из так называемых западников темны еще понятия о том, что хорошо и что дурно в Европе, и как до сих пор очень многим кажется лучшим именно то самое, что есть худшего в Европе, то должны будем признаться, что критика европейского быта, которую славянофилы, прямо или через вторые руки, заимствуют из лучших современных мыслителей, далеко не бесполезна для очищения наших понятий о Европе. Конечно, эта критика соединяется, проходя через уста славянофилов, с примесями, чуждыми, иногда прямо враждебными ее духу, — но мы настолько уверены в здравом смысле русского племени, мало расположенного к отвлеченным фантазиям, что эти примеси внушают нам довольно мало опасения. Здравый смысл и такт действительности, которым очень сильны русские, довольно легко отличат фантастическую примесь от фактов. Притом же примеси, особенно любимые многими из славянофилов, выбраны ими из круга чувств, которые очень антипатичны русскому характеру. Ни заоблачные мечтания, ни самохвальство не в характере у русского человека.

Мало вероятности, чтобы заблуждения, противные племенному характеру, распространились в нации. Но если б это и было вероятно, все-таки надобно было бы сказать, что опасности для народного развития, представляемые этими примесями, менее важны, нежели выгоды, соединенные с некоторыми твердыми убеждениями славянофилов, (убеждениями, которые, будучи последним словом западноевропейской науки и опытности, но не вошедши еще в умственную рутину всех дюжинных западных писателей, живущих рутинными фразами, не получили еще и у нас права гражданства между огромным большинством тех так называемых западников, которые почерпают свои мнения из наиболее распространенных иностранных журналов и книжек, вроде *Journal des Débats*⁴, *Revue des deux Mondes*, сочинений Гизо, Тьера и т. п.

В пример, мы укажем на одно из таких убеждений, осуществление которого стало уже главною историческою задачею для государств, стоящих в челе цивилизации, как Франция и Англия.

Обеспечение юридических прав отдельной личности было существенным содержанием западноевропейской

истории в последние столетия. Совершенного ничего нет на земле, но в чрезвычайно высокой степени цель эта достигнута на Западе. Право собственности почти исключительно предоставлено там отдельному лицу и ограждено чрезвычайно прочными, неукоснительно соблюдаемыми гарантиями. Юридическая независимость и неприкосновенность отдельного лица повсюду освящена и законами и обычаями. Не только англичанин, гордый своею личною независимостью, но и немец, и француз может справедливо сказать, что пока не нарушает законов, он не боится ничего на земле, и что личная собственность его недоступна никаким посягательствам. Но, как всякое одностороннее стремление, и этот идеал исключительных прав отдельного лица имеет свои невыгоды, которые стали обнаруживаться чрезвычайно тяжелым образом, едва он приблизился к осуществлению с забвением или сокрушением других не менее важных условий человеческого счастья, которые казались несовместны с его безграничным применением к делу. Одинаково тяжело для народного благоденствия легли эти вредные следствия на обоих великих источниках народного благосостояния, на земледелии и промышленности. Безграничное соперничество отдало слабых на жертву сильным, труд на жертву капиталу. При переходе всей почти земли в собственность частных лиц явилось множество людей, не имеющих недвижимой собственности,— таким образом возникло пролетариатство. Владельцы мелких участков, на которые распалась земля во Франции, не имеют возможности применить к делу сильнейших средств для улучшения своих полей и увеличения жатв, потому что эти средства требуют капиталов и применимы только к запашкам большего размера. Они обременены долгами. В Англии фермеры имеют капиталы, но зато без значительного капитала невозможно в Англии и думать о заведении ферм, а люди, имеющие значительный запас наличных денег, всегда не многочисленны пропорционально массе народа,— и потому большинство сельского населения в Англии — батраки, положение которых очень печально. В заводско-фабричной промышленности вся выгода сосредоточивается в руках капиталиста, и на каждого капиталиста приходится сотни работников,— пролетариев, существование которых бедственно. Наконец, и земледелие и заводско-фабричная промышленность находятся под властью безграничного соперничества отдельных личностей. Чем обширнее размеры производства, тем дешевле стоимость произведений,

потому большие капиталисты подавляют мелких, которые мало-помалу уступают им место, переходя в разряд их наемных людей, а соперничеством между наемными работниками все более и более понижается заработная плата. Таким образом, с одной стороны, возникли в Англии и Франции тысячи богачей, с другой — миллионы бедняков. По роковому закону безграничного соперничества, богатства первых должны все возрастать, сосредоточиваясь все в меньшем и меньшем числе рук, а положение бедняков становится все тяжелее и тяжелее.

Но и в настоящем положение дел так противуестественно и тяжело для девяти десятых частей английского и французского населения, что необходимо должны были явиться новые стремления, которыми отстранялись бы невыгоды прежнего одностороннего идеала.

Подле понятия о безграничных юридических правах отдельной личности возникла идея о союзе и братстве между людьми; люди должны соединиться в общества, имеющие общий интерес, сообща пользующиеся силами природы и средствами науки для производства и для экономного потребления производимых ценностей. В земледелии братство это должно выразиться переходом земли в общественное пользование; в промышленности — переходом фабричных и заводских предприятий в общественные достояние компании всех работающих на этой фабрике, на этом заводе. Только это новое устройство экономического производства может дать благосостояние целому, например французскому или английскому, племени, и население этих стран, состоящее из тысячи богачей, окруженных миллионами бедняков, превратить в одну массу людей, не знающих роскоши, но пользующихся благоденствием.

Это новое стремление к союзному производству и потреблению является естественным продолжением, расширением, дополнением прежнего стремления к обеспечению юридических прав отдельной личности. В самом деле, не надобно забывать, что человек не отвлеченная юридическая личность, но живое существо, в жизни и счастья которого материальная сторона (экономический быт) имеет великую важность; и что потому, если должны быть для его счастья обеспечены его юридические права, то не менее нужно обеспечение и материальной стороны его быта. Даже юридические права на самом деле обеспечиваются только исполнением этого последнего условия, потому что человек, зависимый в материальных средствах существования, не может быть независимым человеком на

деле, хотя бы по букве закона и провозглашалась его независимость. А при известной густоте населения и при известной степени развития экономических отношений (появление хороших путей сообщения, обширной торговли, механических способов производства и т. д.) материальное благосостояние может быть доставлено массе населения только экономическим соединением производителей для труда и потребления.

Но введение такого порядка дел чрезвычайно затруднено в Западной Европе безграничным расширением юридических прав отдельной личности. Братья в соединении живут гораздо с большим благосостоянием, нежели могли бы жить разделившись, — это истина, известная у нас каждому поселянину («раздел семьи на отдельные хозяйства разоряет семью» — это знает каждый у нас), но, живучи вместе, каждый из братьев должен жертвовать частью своего полновластия родовому союзу, ограничивать свои капризы, противные общей (и в том числе его собственной) пользе).

Однако же, вместо общих размышлений о славянофильстве, к выражению которых были мы ободрены благоприятным впечатлением, произведенным на публику первую книгу «Русской беседы» за нынешний год, пора нам заняться обзорением содержания этой книги, очень замечательной.

О статьях г. Самарина, на которые мы хотели бы особенно обратить внимание каждого из наших читателей, мы ничего не будем говорить; одна из них, написанная по поводу книги графа Орлова, «Очерки похода Наполсона против Пруссии в 1806 году», должна быть прочтена каждым живым человеком, и о ней ничего нельзя сказать, кроме похвал, которые мы уже сказали. Другая — «Несколько слов по поводу исторических трудов г. Чичерина», конечно, оставляет место некоторым очень серьезным возражениям, но сам г. Чичерин, вероятно, не останется в долгу у достойного противника, которого наконец нашел себе⁵. По нашему мнению, замечания г. Самарина таковы, что каждое из них заслуживает серьезного рассмотрения, а некоторые должны быть признаны справедливыми, — например, мысль о необходимости дополнить свидетельства юридических актов, собранные у автора, фактами, встречаемыми в других источниках истории (в иноземных писателях о России, в летописях, народных преданиях и песнях) и представляемыми изучением современного быта; но мы сильно сомневаемся, чтобы от расширения

границ картины просветлили ее краски, как на то, по-видимому, надеется г. Самарин. Заметим также, что ответом на параллели русской системе кормления, находимые г. Самариним в истории западных государств, должно быть не отрицание сходства между сравниваемыми явлениями, а признание этих явлений одинаково невыгодными для государственного благоустройства, с прибавлением того, что в истории западных государств действие принципа, сходного с нашим кормлением, до некоторой степени уравновешивалось влиянием других начал, чего у нас почти не было.

Г. Чичерин, кажется, служит кошмаром «Русской беседы», которая в каждой из пяти вышедших до сих пор книг посвящала обширные статьи опровержению его мнений⁶. И в обозреваемой нами книге, кроме статьи г. Самарина, занимается этим делом еще другая, более обширная статья: «Критические замечания на сочинения г. Чичерина «Областные учреждения в России в XVII веке», г. Н. И. Крылова. Конечно, эти замечания написаны с ученостью и умом, как и следовало ожидать от ученого, имеющего громкую известность. Но, по меткости и силе возражений, статью г. Самарина надобно поставить выше. При том же г. Крылов говорит слишком докторальным тоном, — он слишком проникнут мыслью, что имеет дело с бывшим своим студентом. Так некогда поучал г. Погодин гг. Соловьева и Кавелина, которые, однако, справедливо говорили, что извлекают очень мало пользы из его назидательных бесед⁷.

Чрезвычайно интересна по предмету, но суха и отчасти темна по изложению статья г. П. Р.-на «Об устройстве земледельческого сословия в Австрии». Гораздо яснее, хотя и короче, изложено это дело г. Е. Ламанским в «Экономическом указателе» (№ 13)⁸. Важно по множеству новых фактов, извлеченных из рукописных источников, сочинение г. А. Попова, «История возмущения Стеньки Разина». Сколько можно судить по первой части его, напечатанной в обозреваемой нами книге «Русской беседы», автор хочет ограничиться изложением сведений, представляемых его источниками; он избрал себе цель скромную, но полезную, и за извлечение фактов из-под архивного спуда он заслуживает полной признательности.